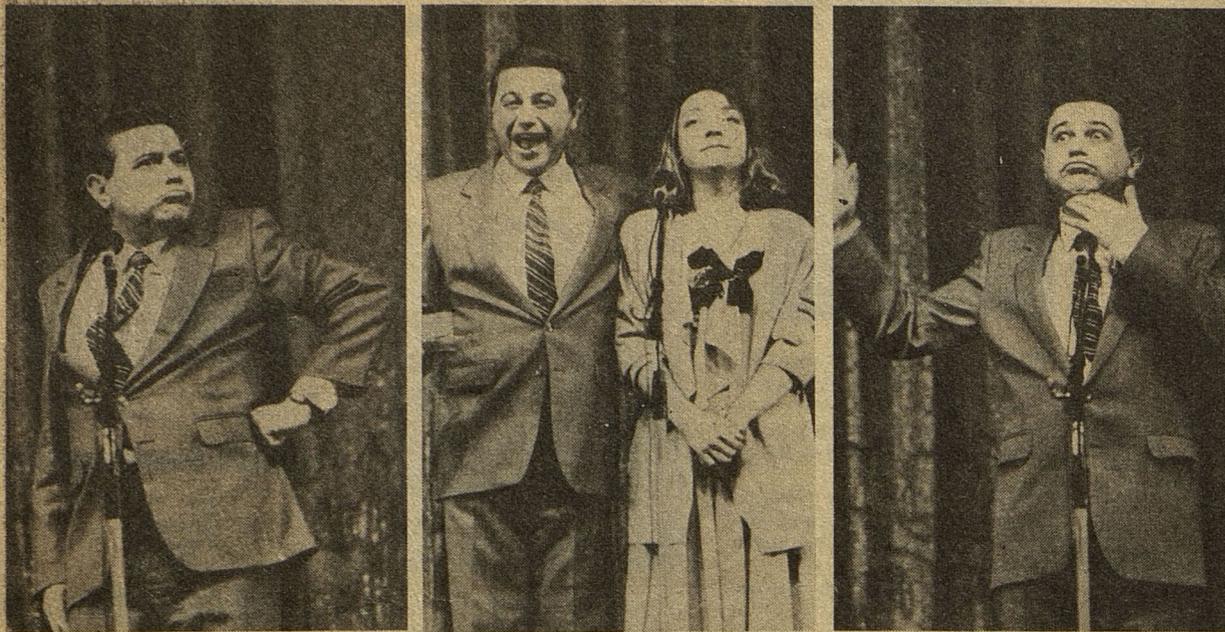

Евгений Петросян:

УЛЫБКА — ПРИЗНАК ВЕЖЛИВОСТИ

«Алма-Ата — это один из тех немногих городов, в которые я не приезжал. Я даже не могу понять, почему так случилось. Видимо, случайно. Я просто очарован и городом, и зрителями, и, самое главное, очень хорошей человеческой атмосферой. Это самое ценное, что может быть». (Из беседы с артистом).

СЕЙЧАС уже мало кто помнит, как дебютировал на эстраде Петросян. Но почти все знают, когда (2 года назад ЦТ записало концерт, посвященный 25-летию творческому юбилею артиста) — в 1962-м. Иными словами, незадолго до «застойного» периода...

«В начале 60-х годов, когда я только появился, — вспоминает Петросян, — говорили так же, как и сейчас, — обо всем. И при мне, уже некоторое время спустя, началась «закрутка гайки», при мне уходили из репертуара все живые темы. Я помню до сих пор одного чиновника. Он сидел перед концертом в Большом театре и слушал все, что я читал. Когда я дошел до какого-то места, он остановил меня: «Стоп. Вот до сих пор хорошо. Дальше не надо. Дальше может возникнуть юмор». Сколько меня кромсали: могли вырезать мое выступление из «Голубых огоньков», мартовских праздничных телевечеров и т. д. Вырезали в самый последний момент, уже отсняв номер, — у тех, кто это делал, не хватало компетенции решить заранее — подходит мой номер или нет. Бывало, что доходили до абсурда. Вырезали как-то раз монолог, за который я имел личную благодарность Брежнев. Они не ориентировались — что можно, чего нельзя. Эта вкусовщина «не давала» ничего ни уму, ни сердцу, ни государству, ни обществу. Причем, вырезая из концерта мой номер, обижали не только меня. Отнимали улыбку, еще одну радость у зрителей.

— ЕВГЕНИЙ Ваганович, вы говорите со сцены о недостатках нашей жизни. Но ведь это все так грустно, все эти так надоевшие нам проблемы. Чем, на ваш взгляд, они нейтрализуются, прежде чем становятся темами миниатюр?

— Нашим художественным методом. Он обязывает нас к тому, чтобы искать комические приемы, которые бы высмеивали всем известные темы. Тем новых изобретать нет надобности. Если я, например, буду говорить, что на Луне слишком глубокие кратеры и что поэтому очень неудобно ходить по ее поверхности и жмут туфли, то вас это волновать не будет. Я должен говорить на темы, всеми узнаваемые. Вы видели — я показал Кашпировского — его узнали,отреагировали, это интересно. Или еще вот пример — несколько дней назад был во Фрунзе, а до меня туда приезжал высокий начальник, выступал на одном из предприятий. Я разговаривал с его работниками: «Вы не представляете, — признавались они, — какая здесь у нас грязь была на территории, а сейчас все бордюры выкрашены, асфальт застелен». А если помните, в одной из моих первых миниатюр говорится: «Приметы почему сбываются? Потому что все они на знании жизни основываются. Если в городе Урюпинске в свободной продаже вологодское масло, значит что? Значит, скоро в город Урюпинск приезжает член Политбюро», — говорю я им. Ну, реакция как реакция. И я добавляю: «Тут же и бордюры красят, и асфальтом территорию покрывают». Вы знаете, какая реакция была у народа? Сильнейшая, ведь я сказал про них. Поэтому узнаваемых тем не надо бояться. Надо говорить о том, что волнует народ сейчас. Что касается того трагического и грустного момента, на который вы обратили внимание, то да, это очень грустно, это смех сквозь слезы. Но комическое в своем высшем развитии всегда сочетается с трагическим. Если мысль глубокая, она всегда высмеивает какую-то причину. Почему то или иное явление комическое? Кого-то и где-

то перепутали, что-то там кому-то подсунили, многочисленные недоразумения — это веселый развлекательный водевиль. Но это низшая стадия комического. Высшая — это, на мой взгляд, творчество Чарли Чаплина, который всегда умел сочетать комедию с трагедией. Он умел трогательно развеселить человека во всем мире, во всем мире и смеялись, и плакали, глядя на Чаплина.

Живо обсуждались слова из придуманного писателем-сатириком Михаилом Задорновым «бестолкового словаря»: невезуха — водитель такси, зубочистка — боксерский ринг, чепец — маленькое происшествие, убудок — официант, людоед — муж Люды, известняк — звезда эстрады, а один молодой человек с восторгом говорил: «Это ж надо было придумать — шипучка — теща, — и точно ведь как!».

— Работать стало проще и сложнее, — продолжает Петросян. — Проще в смысле большей гласности. Сложнее по следующим трем причинам: первая — твоя гражданская позиция. Что ты хочешь сказать своим творчеством. Что можешь и чего не можешь сказать. Мне кажется, этот момент особенно важен. Второе — если раньше монолог в репертуаре удерживался до 4—5 лет, то сейчас его существование ограничено шестью месяцами. Потом его надо менять. Такое напряжение, я думаю, под силу далеко не многим. Надо работать в 10 раз больше. Здесь необходимо и здоровье, и умение, и опыт. И, наконец, третье — то, что авторы стали сами выступать. Лавры Жванецкого не дают покоя. Это очень серьезная проблема. Ладно, я уже артист опытный, и какие-то материалы для себя «выпускаю», а как быть молодым? Я в ужасе от этой проблемы. Авторам нравится выступать, но они, не став полноценным артистами, утрачивают свой писательский талант. Ведь писать в нашем жанре хорошо —

значит, писать ежедневно по 4—5 часов. При многочисленных выступлениях сохранить такой режим становится все труднее. Боясь, что это может привести жанр к деградации. Тут я пессимист.

— Словами ваших авторов вы подчас выражаете недоверие перестройке...

— Дело в том, что эстрада и журналистика — это искусство. И у вас, и у нас одни задачи — освещать сегодняшнюю жизнь, нравственно направлять общество, стараться формировать мнение и отражать перемены, происходящие в обществе. Согласны? Я придерживаюсь этой позиции, но повторяю, она — отражение мнения народа. Да, мы всей душой за перестройку, за то, чтобы мы жили лучше, логичнее. Но разве мы удовлетворены тем, как происходят перемены? Мы придумали себе, что есть плохие дяди-бюрократы, которые тормозят перестройку. Я так не думаю. Здесь все гораздо сложнее. Сопrotивляется сама система наших взаимоотношений, дефекты прежней системы устраняются полумерчато, наполовину. Измененная половина по-прежнему борется со старой. Я доволен перестройкой, но, как и многие люди, я недоволен тем, что перестройка осуществляется медленно. Честно говоря, хотелось бы быстрее. Нас убеждают, что быстрее идти невозможно. Но беда-то вся в том, что люди устали ждать Завтра. Я поддерживаю Горбачева как человека, начавшего это дело, он в своем деле новатор, у него есть силы. Другое дело, что все это делается не до конца обстоятельно.

— Что вы думаете о людях, лишенных чувства юмора?

— Человек, который лишен чувства юмора, — бедный человек. Он инвалид. Того, кто не видит или не слышит, можно и даже нужно пожалеть. Но в отличие от них человек, лишенный чувства юмора, не знает о своем недостатке. А если его назначают руководить юмором, он страшен. У нас как-то не было принято или, может, не приходило в голову за эти

70 с лишним лет проверять человека, назначая его руководителем, на чувство юмора. Я иногда в зале встречаю таких людей, их немного — всего двое-трое. Они очень удивляются и смотрят вокруг — почему все смеются, в чем дело? На их лице — выраженные любопытства. Значит, они пытаются понять, «почему»? Это уже хорошо. Но если такой человек агрессивен — я отношусь к нему не только с сожалением, но и с пренебрежением. У меня есть один афоризм: «Кто признается в том, что он дурак? Только умный».

Об этом я недавно написал целую книгу. Называется она «Хочу в артисты». Очень толстая, большая книга, своего рода система Станиславского для эстрады. Я попытался разобраться в этом вопросе с точки зрения психологической.

— Евгений Ваганович, я заметил одну черту всех эстрадных артистов, работающих в нашем жанре, — не смеяться, когда смеется весь зал. В чем секрет?

— Ну, наверное, в том, что я знаю свои миниатюры до тонкостей. Но, признаться, и сам иногда не выдерживаю — зал заражает. Ведь услышать одну и ту же миниатюру в зале и просто за разговором — совершенно разная реакция.

— Еще Чапек говорил: «Юмор — явление по преимуществу народное».

— Очень правильно утверждал. Так, как говорит народ, ни один автор не скажет. Впрочем, есть страны, в которых и самые высокие люди обладали чувством юмора. Удивительный человек Шарль де Голль, президент Франции, давал орден тем поэтам, которые его высмеивали. Вы обратили внимание, что когда Горбачев встречался с Бушем, оба улыбались, шутили на ходу. А ведь о серьезных вещах говорили. Они понимают, что улыбка — это, прежде всего, признак вежливости, улыбаются — естественная человеческая потребность. Юмористический взгляд на жизнь — это целая философия. Это та золотая середина между оптимистом и пессимистом. Человек с юмором глядит на мир реально: он может слишком переоценивать положительные факты и не проидет мимо негативных. Именно эта «золотая» середина и необходима сегодня.

Мирослав ГАЦЕНКО.

Фото Шамиля Жуматова.

Земляк
и Ленинской смехи
с носом лашем зобра
З. Петросян